

Матлин М. Г. Устные рассказы о голоде 1941—1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения Ульяновского Поволжья / М. Г. Матлин // Научный диалог. — 2018. — № 8. — С. 147—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-147-160.

Matlin, M. G. (2018). Oral Histories about the Famine of 1941—1945 as the Source of Knowledge of the Everyday Life of the Rural Population of the Ulyanovsk Area of Volga Region. *Nauchnyy dialog*, 8: 147-160. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-147-160. (In Russ.).

УДК 398.2:94(47).084.8

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-147-160

Устные рассказы о голоде 1941—1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения Ульяновского Поволжья¹

© Матлин Михаил Гершенович (2018), orcid.org/0000-0003-0748-1081, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы и патентно-лицензионного обеспечения, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия), matlin@mail.ru.

На основе анализа нарративов о голоде в тылу во время Великой Отечественной войны анализируются некоторые особенности повседневности сельского населения на территории Ульяновского Поволжья. Отмечено, что в меморатах раскрывается преимущественно повседневная жизнь русских крестьянок. Показано, что, несмотря на экстремальность жизни и принципиальное изменение состава семьи, повседневная жизнь женщины включала в себя те же основные элементы, что и в мирное время: добывание и приготовление пищи, воспитание детей, труд на приусадебном участке, поддержание семейно-родственных и соседских отношений, исполнение трудовых и экономических обязанностей перед государством, в том числе и перед местной властью. Однако, как подчеркивает автор статьи, реальности военного времени существенно трансформировали эти составляющие обычной жизни, выдвинув на первый план выработку стратегии физического выживания и прежде всего преодоления голода и его последствий. Как установил анализ нарративов, именно поэтому в военные годы актуализировался тот пищевой рацион и те повседневные жизненные практики, которые были выработаны русским крестьянством для преодоления голода в XIX веке и первую треть XX века. Благодаря анализу устных рассказов о голоде в 1941—1945 годов стало возможным детально раскрыть эмоционально-личностное восприятие и переживания русских крестьянок военного лихолетья. Проведенный анализ, как и всякое исследование повседневности, может существенно дополнить и изменить историческое знание о том времени.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-14-73003 а(р).

Ключевые слова: устный рассказ; повседневность; Ульяновское Поволжье; год; Великая Отечественная война.

1. Введение

Одним из актуальных направлений в современных социально-гуманитарных науках является изучение повседневности [Банникова, 2011; Гусельцева, 2017; Калистратова, 2014, с. 89—92; Касавин, 2008, с. 8—9; Милешин и др., 2015, с. 103; Оболенская, 1990, с. 182—198; Орлов, 2010, с. 13—23; Пушкарева, 2004, с. 9; Пушкарева, 2010; Eley 1995, pp. VII—XI].

Как известно, сам этот термин был предложен А. Шюцем [Шюц, 1988, с. 23—34], а в широкий научный оборот исторического знания был введен Ф. Броделем, который назвал эту сферу человеческой жизни «повседневной жизнью», «материальной жизнью», «неосознанной повседневностью» [Бродель, 1986, с. 38, 40, 597, 594]. Именно повседневность, как считает А. Хеллер, представляет собой ту «совокупность <...> факторов индивидуального воспроизводства», которые («все вместе») «делают социальное воспроизводство возможным» [Heller, 1984, p. 3].

В повседневной жизни «историческое изменение и непрерывность понятии как результат действия конкретных групп и индивидуумов. Человеческая *социальная практика* перемещается на передний план исторического запроса» [Lüdtkе, 1995, pp. 3—4]. В то же время, как подчеркивал А. Людтке, необходимо учитывать, что «власть (применительно к современности также и государство) не представляет собой некоей внешней данности, а означает конкретные моменты повседневных жизненных практик» [Людтке, 2010, с. 66]. Он же особо подчеркивал гуманистический пафос в изучении истории повседневности, замечая, что «центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безмянными в истории» [Людтке, 1999, с. 77].

Значимым аспектом повседневности большинство ученых считает трудовую деятельность, полагая, что именно на ее основе возникает повседневность как «сфера человеческого опыта, которая характеризуется особой формой восприятия и осмысления мира» [Калистратова, 2014, с. 77]. Не менее важно в изучении повседневности учитывать гендерный аспект, ибо, как подчеркивала Д. Вьерлинг, именно «повседневный мир, его освоение и организация <...> является истинно женской областью» [Wierling, 1995, p. 154].

Много внимания в исследовании повседневности уделяется ее структуре [Банникова, 2011; Калистратова, 2014; Касавин, 2008; Лелеко, 2002; Пушкарева, 2010], которую определяют как сложное образование, включающее в себя «структуры жизни материальной (предметной) и жизни не-

материальной (непредметной), охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики» [Пушкарева, 2004, с. 5].

С развитием истории повседневности тесно связано такое направление в науке, как микроистория [Ginzburg, 1993, pp. 10—35; Арсентьев и др., 2010, с. 40; Кобзева, 2013, с. 234—238], которую некоторые исследователи характеризуют как «один из самых жизнеспособных и плодотворных методов анализа» [Гренди, 1997, с. 300]. Именно микроистория, или «истории в мелком масштабе», как утверждает Дж. Бреввер, способна обеспечить «более реалистическое описание поведения человека» [Brewer, 2010, p. 97].

Особое внимание ученых привлекает повседневность в экстремальных ситуациях, то есть «изучение вопроса о способах не только и не столько обычного, сколько экстремального выживания в условиях войн, революций, террора, голода» [Пушкарева, 2004, с. 7]. При этом одним из значимых вопросов, как указывал И. Б. Орлов, для жителей сельской местности, становится вопрос о том, «какие поведенческие «механизмы» включаются в экстремальных условиях, чтобы обеспечить выживание основной массы преобладающего сельского населения страны?» [Орлов, 2010, с. 96]. Одним из таких механизмов, в частности, в периоды голода становятся передаваемые «из поколения в поколение традиции изготовления “голодного хлеба”» [Там же].

Изучение истории повседневности и микроистория, стремясь «перевернуть саму логику исторического построения», по-новому решили вопрос об «источниковой базе исследования» [Журавлев, 2010, с. 23], обратившись к методам устной истории. В современной исторической науке устную историю определяют как «самостоятельную научную дисциплину, и метод исследования, и вид исторического источника», а также как «новый тип исторических исследований, основанных на устных историко-ведческих материалах, получаемых в интервью и записываемых на магнитофон или любые другие носители памяти» [Ковальская].

Поворот к устной истории в форме биографий, или life-story, как отмечал П. Томпсон, был характерен и для социологии [Thompson, 2000, p. 79]. Сегодня большинство социологов считают биографический метод наиболее продуктивным в исследованиях [Рождественская, 2012], учитывая, что в биографических нарративах гендерные и возрастные различия информантов определяют разные типы текстов [Fivush et al., 2003, pp. 149—167; Ely et al., 2011, pp. 375—400].

2. Материал исследования

Существенный вклад в изучение истории повседневности 1941—1945 годов могут внести устные рассказы сельского населения о голоде.

Ведь если все же фиксация нарративов о жизни и смерти на фронте началась сразу после окончания Великой Отечественной войны и так или иначе велась вплоть до сегодняшнего дня, то устные рассказы о жизни в тылу долгое время были вне поля зрения. Но ведь, как справедливо писала Т. К. Щеглов, «актуальным является изучение войны через жизнь тылового населения: женщин, подростков, детей военного времени. Их судьба является важнейшей частью истории войны, без нее нельзя считать военную историю полной и завершенной» [Щеглова, 2011, с. 231].

Запись нарративов о Великой Отечественной войне, в том числе и о жизни в тылу, началась в Ульяновском государственном педагогическом университете им. И. Н. Ульянова в 1975 году. Первым итогом проделанной работы стал сборник устных рассказов о Великой Отечественной войне «Моя война: устные рассказы о Великой Отечественной войне» [Моя война..., 2015], а продолжением — небольшой сборник «Голод 1941—1945 гг. в устных рассказах русского сельского населения Ульяновского Поволжья», изданный в 2017 году [Голод..., 2017]. Материалы этих сборников и легли в основу настоящего исследования. Как показал анализ 43 устных рассказов о голоде в годы Великой Отечественной войны, записанных на территории Ульяновского Поволжья от людей разных поколений в разных населенных пунктах, можно выделить в них ряд наиболее важных аспектов повседневности.

3. Аспекты повседневности в устных рассказах о голоде

Главным аспектом повседневности военной поры стал голод. О нем и его последствиях (опухание, болезни и смерть) прежде всего рассказывали все информанты, и поэтому в центре рассказов-воспоминаний о повседневной жизни русских крестьянок этого период находится добыча и приготовление пищи.

Как уже указывалось выше, колхозники не обеспечивались централизованно государством ни зерном, ни какими-либо другими продуктами, поэтому все зависело от возможностей колхоза и его руководства. В большинстве хозяйств хлеб выдавался только тем, кто непосредственно трудился на поле и только во время полевых работ, хотя в некоторых селах давали пайки и на детей. Иногда даже разовая помощь со стороны колхоза становилась спасением для детей. В некоторых хозяйствах изыскивали возможность кормить детей в школе.

Но все же преобладающей была другая пища. В первую очередь все рассказчицы отмечали, что главным спасением для взрослых, а особенно для детей, было молоко.

Вид пищи также зависел от сезона. С ранней весны и до осени употребляли прежде всего дикорастущие растения, листву деревьев, а зимой ходили в лес собирать засохшие сережки ольхи, орешника. Зимой главным продуктом питания было коровье молоко, конечно, если оно было у семьи. Гораздо реже в русских деревнях той поры содержали коз.

Вторым по значимости продуктом был картофель, если удавалось вырастить более или менее приличный урожай. Но гораздо чаще и его не было у подавляющего большинства семей или он заканчивалась еще зимой. Поэтому для приготовления пищи — «лепёшек», использовали остатки несобранного урожая картошки в полях, несмотря на то, что она уже начинала гнить или, если собирали весной, от нее оставался уже только крахмал. Практически совсем исчезло из рациона мясо; его ели только тогда, когда забивали умерших от голода животных. Во время работы в колхозе на поле, когда начинала поспевать рожь или пшеница, собирали зерна и калили их на костре. Собирали колоски на поле и дети после завершения уборки.

Среди других способов добывания пищи, помимо собирания дикорастущих растений, листьев и почек деревьев, получения ее в колхозе или в школьных столовых, существовали и такие, как обмен вещей, дров на продукты или их продажа для покупки еды. В некоторых семьях матерям приходилось даже продавать корову, несмотря на то, что без молока маленькие и ослабевшие дети могли не выжить. Изредка удавалось добыть продукты, прежде всего муку, отработав на поле других хозяйств. Не редкостью было и нищенствование взрослых и детей.

Порою, исчерпав все возможные способы достать пропитание для детей, женщины решались на воровство хлеба, тем самым попадая под суд в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятым по инициативе И. В. Сталина. Несмотря на то, что еще в двойные годы произошло существенное смягчение в применении этого закона, а голод и смерти от голода, в том числе детей, были неотъемлемой частью повседневной жизни, судебное преследование никаких смягчающих обстоятельств, как правило, не учитывало.

Говоря о добывании пищи как доминанте повседневной жизни женщин-селян в годы Великой Отечественной войны, о голоде или полуголодном существовании, необходимо отметить, что, как показывают исследования отечественных историков, и в мирные годы конца XIX — начала XX века повседневный рацион русских крестьян был очень скуден [Безгин, 2006, с. 312—320].

Вторым важнейшим аспектом женской повседневности в годы войны была забота о жизни и здоровье детей, но и она также приобрела иной, трагический характер, потому что исполнить это некоторым матерям оказалось не под силу — дети отекали с голоду и умирали. Голод также становился причиной тяжелых заболеваний детей: достаточно часты были случаи пищевых отравлений, когда голодные дети ели ядовитые ягоды или растения.

Часто матери были вынуждены оставлять детей одних дома без присмотра старших, уходя на работу. И хотя в некоторых селах были ясли, это не всегда снимало материнские тревоги и переживания за детей. Порою отсутствие еды, понимание невозможности спасти детей от голодной смерти толкало некоторых матерей на отчаянный и безумный шаг — на убийство себя и своих детей.

Как известно, большие крестьянские семьи сохранялись в русских деревнях вплоть до 60-х годов XX века. Отношения между членами такой семьи, включение всех, в том числе и детей, в хозяйственную деятельность на приусадебных участках, в работу по дому, в контроль и воспитание детей также были важнейшей частью повседневной жизни крестьянской семьи.

В период Великой Отечественной войны, особенно после нескольких голодных годов, когда во многих семьях представители старшего поколения ушли из жизни, резко изменилась структура традиционной крестьянской семьи и, соответственно, ее функционирование. Тем не менее любовь матери к детям, детей к матерям, поддержка друг друга оставались доминантными в этих отношениях.

Важным фактором повседневной жизни русских крестьянок были отношения с родственниками и соседями, но и они теперь тоже были связаны с главной задачей — выжить самой и спасти детей. Потому взаимопомощь, стремление поделить последним даже ради чужих детей оставались важным фактором таких отношений.

Однако были и совсем другие отношения даже между родственниками, особенно в том случае, если кто-то был в руководстве колхоза и имел возможность получать продукты питания за счет хозяйства. Сам по себе этот принцип — распределение продуктов по рангу и статусу — применялся по отношению ко всем жителям СССР в годы войны [Орлов, 2010, с. 132—137]. Это развращало приближенных к власти, разрушало в них традиционные крестьянские нравственные ценности, регулировавшие отношения между родственниками.

Как отмечают многие исследователи повседневности, важную роль в ней играет трудовая деятельность. В повседневной жизни рус-

ских крестьянок в период войны существовало два ее типа — труд в колхозе и труд на приусадебном участке, а у кого еще оставалась домашняя скотина, то и уход за ней.

Несмотря на то, что главным способом обеспечения семьи продуктами питания был труд на приусадебном участке и домашний скот, большую часть времени практически безвозмездно все трудоспособное население русской деревни должно было проводить на работах в колхозе, выполняя определенный минимальный объем работ, за что начислялись так называемые трудовни. Поэтому большая часть работ на приусадебном хозяйстве, как и заготовка дров, уход за домашним скотом, легла на плечи детей, а на самых старших — контроль и воспитание младших.

Тяжелое положение с питанием, желание выработать больше трудовней, а значит, и надежда получить побольше хлеба заставляли матерей подключать к работе в колхозе и детей. Однако этими видами работ трудовая деятельность женщин и подростков не ограничивалась. Повсеместно их привлекали для сооружения оборонительных укреплений — рытья окопов в первую и вторую военную зиму.

Другой трудовой повинностью, к которой привлекали по разнарядкам девушек и женщин, были торфоразработки. Милиция забирала их из дому и под конвоем сопровождала до места работы. Условия труда, питание, были ничем не лучше, чем в лагерях для заключенных, поэтому многие 16—17-летние девушки не выдерживали и убегали «домой, к маме».

Но даже если и сумела девушка выдержать труд на оборонительных сооружениях, благополучно возвращалась домой, ее могло ждать другое, не менее суровое испытание: принудительное отправление на учебу и работу в фабрично-заводские школы. Наказанием за самовольное оставление работ был тюремный срок. Отбывали этот срок уже в настоящих лагерях, работая на лесозаготовках.

Еще одной драматической, а порою и трагической стороной повседневной жизни сельского населения в войну были налоги [Кабилова, 2011, с. 183—211]. О них говорили почти все информанты, особо подчеркивая жестокость и бесчеловечность своих же односельчан, собиравших эти налоги и отнимавших порою буквально последнее.

Натуральный налог взымали даже с тех, кто отекал от голода, поэтому некоторые были вынуждены, добыв молоко, которое могло бы спасти детей, отдавать его в качестве уплаты налога. Необходимо также заметить, что, помимо уплаты натурального налога, все обязаны были приобретать облигации государственного займа.

Редко кто из сборщиков налогов, встречая сопротивление женщин, не имевших возможности заплатить, шел им навстречу, давал отсрочку. Большинство, чувствуя свою власть над людьми, пыталось сломать женщин психологически, порою сознательно унижая их и издеваясь над ними. Иногда сборщики налогов сознательно обманывали женщин и заставляли их дважды платить налог, присваивая себе эти добытые обманом деньги.

Еще одной особенностью повседневной жизни русского села в военные годы стала смерть. В некоторых селах, как свидетельствуют информанты, в отдельные годы умирали десятки и даже сотни людей. Похороны умерших с соблюдением требований обряда, с поминками в условиях тотального голода порою становились для близких невозможны, если только не приходил на помощь кто-то из односельчан.

4. Выводы

Как показал анализ устных рассказов женщин, бывших матерями в годы войны, девушек и незамужних женщин, детей войны, повседневная жизнь русского села, с одной стороны, имела такие черты, которые были свойственны ей не только в этот период. Те же особенности жизни определяли повседневность поволжских русских сел и в XIX веке, и в периоды голода 1921—1923 и 1932—1933 годов, а также в первые послевоенные годы. С другой стороны, главной отличительной чертой периода 1941—1945 годов стало то, что основную тяжесть этой драматизированной повседневности, в которой экстремальное стало обычным и ежедневным, вынесли на своих плечах женщины, уже оплакавшие погибших мужей, но стремившиеся наперекор всему любой ценой, даже ценой собственной жизни, спасти своих детей. И хотя повседневная жизнь женщины военной поры включала в себе те же основные элементы, что и в мирное время: добывание и приготовление пищи, воспитание детей, труд на приусадебном участке, поддержание семейно-родственных и соседских отношений, исполнение трудовых и экономических обязанностей перед государством, в том числе и перед местной властью, — реальности военного времени существенно трансформировали их, выдвинув на первый план выработку стратегии физического выживания. Именно поэтому в военные годы актуализировался тот пищевой рацион и те повседневные жизненные практики, которые были выработаны русским крестьянством для преодоления голода в XIX веке и первую треть XX века.

Благодаря анализу устных рассказов о голоде в 1941—1945 годах стало возможным детальное описание восприятия русскими крестьянами военно-

го лихолетья. Такой анализ, как и всякое исследование повседневности, может существенно дополнить и изменить историческое знание о том времени.

Литература

1. *Арсентьев Н. М.* Интеграционные процессы среди европейских школ микроистории (теоретико-методологический аспект) / Н. М. Арсентьев, А. Н. Руськин // Интеграция образования. — 2010. — № 4. — С. 40—44.

2. *Банникова Е. В.* Критерии повседневности : теоретико-методологические основы истории повседневной жизни / Е. В. Банникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2011. — № 7 (13) : в 3-х ч. — Ч. 2. — С. 21—24.

3. *Безгин В. Б.* Традиции сельской повседневности конца XIX — начала XX веков (на материалах губерний Центрального Черноземья) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Б. Безгин. — Москва, 2006. — 462 с.

4. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. — Москва : «Academia-Центр» ; «МЕДИУМ», 1995. — 323 с.

5. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVII вв. : в 3-х т. / Ф. Бродель. — Москва : Прогресс, 1986. — Т. 1. Структуры повседневности : возможное и невозможное. — 622 с.

6. *Голод 1941—1945 гг.* в устных рассказах русского сельского населения Ульяновского Поволжья / сост., вступ. ст. М. Г. Матлин, М. П. Чередникова. — Ульяновск : ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017. — 84 с.

7. *Гренди Э.* Еще раз о микроистории / Э. Гренди // Казус : Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. — Москва, 1997. — С. 291—302.

8. *Гусельцева М. С.* Психология повседневности : методология, история, перспективы [Электронный ресурс] / М. С. Гусельцева // Психологические исследования. — 2017. — Т. 10. — № 51. — Режим доступа : <http://psystudy.ru/index.php/pum/2017v10n51/1387>.

9. *Журавлев С. В.* История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки / С. В. Журавлев // Людтке А. История повседневности в Германии : Новые подходы к изучению труда, войны и власти. — Москва : РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2010. — С. 3—27.

10. *Кабирова А. Ш.* Война и общество : Татарстан в 1941—1945 гг. / А. Кабирова. — Казань : «Фэн», 2011. — 468 с.

11. *Калистратова Е. А.* Повседневность как предмет научных исследований / Е. А. Калистратова // Российская повседневность : история, современное состояние и перспективы развития : Материалы Второй научной конференции, 27 марта 2014, Екатеринбург. — Екатеринбург : УГЛУ, 2014. — С. 70—95.

12. *Касавин И. Т.* Повседневность как проблема междисциплинарной эпистемологии / И. Т. Касавин // Эпистемология & философия науки. — 2008. — Т. XVI. — № 2. — С. 5—13.

13. *Кобзева З. Б.* Антропология повседневного быта : макроистория из микроанализа / З. Б. Кобзева // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 8. — С. 234—238.

14. *Ковальская С. И.* Устная история и новые возможности в изучении истории Казахстана [Электронный ресурс] / С. И. Ковальская. — Режим доступа : <http://www.enu.kz>.

15. *Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, 2002. — 320 с.

16. *Людтке А.* История повседневности в Германии / А. Людтке // Новые подходы к изучению труда, войны и власти / под общ. ред. С. В. Журавлева ; пер. с англ. и нем. — Москва : РОССПЭН; Герман. Ист. Ин-т в Москве, 2010. — 271 с.

17. *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. Ежегодник, 1998 / 99. — Москва : [Б. и.], 1999. — С. 77—100.

18. *Милешина Н. А.* История повседневности как научное направление / Н. А. Милешина, А. В. Меркушин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 11 (61) : в 3-х ч. — Ч. III. — С. 103—105.

19. *Моя война* : устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в сёлах Ульяновской области в конце XX — начале XXI веков / сост. М. П. Чередникова ; вступ. статья, коммент. М. П. Чередниковой. — Ижевск : ИП Пермиков С. А., 2015. — 254 с.

20. *Оболенская С. В.* «История повседневности» в современной историографии ФРГ / С. В. Оболенская // Одиссей : Человек в истории. — Москва : Наука, 1990. — С. 182—198.

21. *Орлов И. Б.* Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. — Москва : Изд. дом Гос. ун-та. — Высш. шк. экономики, 2010. — 316 с.

22. *Пушкарева Н. Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. — 2004. — № 5. — С. 3—19.

23. *Пушкарева Н.* «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронное издание] / Н. Пушкарева // Перспективы. — Режим доступа : http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm.

24. *Рождественская Е. Ю.* Биографический метод в социологии / Е. Ю. Рождественская. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики. — 2012. — 381 с.

25. *Шюц А.* Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. — 1988. — № 2. — С. 23—34.

26. *Щеглова Т. К.* Устная история : Oral history : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540400.68 (050400) Социально-экономическое образование. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — 363 с.

27. *Brewer J.* Microhistory and the Histories of Everyday Life / J. Brewer // Cultural and Social History. — 2010. — 7 (1). — Pp. 87—109.

28. *Eley G.* Foreword / G. Eley // The History of Everyday Life : Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life / Translated by Templer William. — Princeton : Princeton University Press, 1995. — XIII + 318 pp.

29. *Fivush R.* Creating gender and identity through autobiographical narratives / R. Fivush, C. A. Haden // Autobiographical memory and the construction of a narrative self : developmental and cultural perspectives / edited by Robyn Fivush, Catherine A. Haden. — Mahwah, N.J. : Psychology Press, 2003. — Pp. 149—167.

30. *Ely R.* “Special Section: New Perspectives in the Psychology of Time: Time perspective and autobiographical memory: Individual and gender differences in experiencing time and remembering the past” / R. Ely, A. Mercurio // Time & Society. — November 2011. — № 20. — Pp. 375—400.

31. *Ginzburg C.* “Microhistory. Two or three things that I know about it” / C. Ginzburg // Critical Inquiry. — 1993. — № 20 (Autumn). — Pp. 10—35.

32. *Heller A.* Everyday Life / A. Heller ; translated by G. L. Campbell. — London and Boston : Routledge and Kegan Paul, 1984. — 276 p.

33. *Lüdtke A.* What is the history of everyday life and who are its practitioners? / A. Lüdtke // The History of Everyday Life : Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life / translated by Templer William. — Princeton : Princeton University Press, 1995. — XIII + 318 p.

34. *Thompson P.* Opus Books : Voice of the Past : Oral History (3) / P. Thompson. — Oxford, GB : Oxford University Press, 2000. — 368 p.

35. *Wierling D.* The history of everyday life and gender relations : On historical and historiographical relationships / D. Wierling // A. Lüdtke (ed.). The History of Everyday Life : Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life / translated by Templer William. — Princeton : Princeton University Press, 1995. — XIII + 318 p.

Oral Histories about the Famine of 1941—1945 as the Source of Knowledge of the Everyday Life of the Rural Population of the Ulyanovsk Area of Volga Region

© **Matlin Mikhail Gershonovich (2018)**, orcid.org/0000-0003-0748-1081, PhD in Philology, research scientist, Department of Organization of Research Work and Patent Licensing Provide, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia), matlin@mail.ru.

Based the analysis of narratives about hunger in the rear areas during the great Patriotic war some features of everyday life of rural population in the territory of the Ulyanovsk Area of Volga Region are analyzed. It is noted that the daily life of Russian female

peasants is revealed mainly in memories. It is shown that, despite the extreme conditions of life and fundamental change in the composition of the family, everyday life of a woman included the same basic elements as during peacetime: obtaining and preparation of food, raising children, work on the garden plot, the maintenance of family and neighborly relations, the performance of labor and economic duties to the State, including the local authorities. However, as the author of the article emphasizes, the realities of wartime have transformed these components of everyday life significantly, prioritizing the development of a strategy of physical survival and, above all, the overcoming of hunger and its consequences. As is established by the analysis of narratives, that is why during wartime were the diet and those everyday life practices that had been developed by the Russian peasantry to overcome hunger in the XIX century and the first third of the XX century were revitalized. Thanks to the analysis of oral stories about hunger in 1941—1945 it became possible to reveal in detail the emotional and personal perception as well as experiences of Russian female peasants during the wartime. Like any study of everyday life, the analysis may significantly complement and change the historical knowledge of that time.

Key words: oral story; everyday life; Ulyanovsk Area of Volga region; famine; Great Patriotic war.

References

- Arsentyev, N. M., Ruskin, A. N. (2010). Integratsionnyye protsessy sredi yevropeyskikh shkol mikroistorii (teoretiko-metodologicheskii aspekt). *Integratsiya obrazovaniya*, 4: 40—44. (In Russ.).
- Bannikova, Ye. V. (2011). Kriterii povsednevnosti : teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii povsednevnoy zhizni. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 7 (13) / 2: 21—24. (In Russ.).
- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiologii znaniya*. Moskva: «Academia-Tsentr»; «MEDIUM». (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2006). *Traditsii selskoy povsednevnosti kontsa XIX — nachala XX vekov (na materialakh guberniy Tsentralnogo Chernozemya)*: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Moskva. (In Russ.).
- Brewer, J. (2010). Microhistory and the Histories of Everyday Life. *Cultural and Social History*, 7 (1): 87—109. (In Russ.).
- Brodel, F. (1986). Struktury povsednevnosti: vozmozhnoye i nevozmozhnoye, 1. In: *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV—XVII vv*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Cherednikova, M. P. (sost.) 2015. *Moya vojna: ustnyye rasskazy o Velikoy Otechestvennoy vojne, zapisannyye v selakh Ulyanovskoy oblasti v kontse XX — nachale XXI vekov*. Izhevsk: IP Permyakov S. A. (In Russ.).
- Eley, G. (1995). Foreword. In: Templer, W. (transl.) *The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life, XIII*. Princeton: Princeton University Press. (In Engl.).
- Ely, R., Mercurio, A. (2011). “Special Section: New Perspectives in the Psychology of Time: Time perspective and autobiographical memory: Individual and gender differences in experiencing time and remembering the past”. *Time & Society*, 20: 375—400. (In Engl.).

- Fivush, R., Haden, C. A. (2003). Creating gender and identity through autobiographical narratives In: Fivush, R., Haden, C. A. (eds.) *Autobiographical memory and the construction of a narrative self: developmental and cultural perspectives*. Mahwah, N.J.: Psychology Press. 149—167. (In Engl.).
- Ginzburg, C. (1993). “Microhistory. Two or three things that I know about it”. *Critical Inquiry*, 20: 10—35. (In Engl.).
- Grendi, Ye. (1997). Eshche raz o mikroistorii. In: Bessmertnyy, Yu. L., Boytsova, M. A. (ed.) *Kazus: Individualnoye i unikalnoye v istorii*. Moskva. 291—302. (In Russ.).
- Guseltseva, M. S. (2017). Psikhologiya povsednevnosti: metodologiya, istoriya, perspektivy. *Psikhologicheskiye issledovaniya*, 10 (51). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1387>. (In Russ.).
- Heller, A. (1984). *Everyday Life*. London and Boston: Routledge and Kegan Paul. (In Engl.).
- Kabirova, A. Sh. (2011). *Voyna i obshchestvo: Tatarstan v 1941—1945 gg.* Kazan': «Fen». (In Russ.).
- Kalistratova, Ye. A. (2014). Povsednevnost' kak predmet nauchnykh issledovaniy. In: *Rossiyskaya povsednevnost': istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya*: Materialy Vtoroy nauchnoy konferentsii, 27 marta 2014, Ekaterinburg. Ekaterinburg: UGLTU. 70—95. (In Russ.).
- Kasavin, I. T. (2008). Povsednevnost' kak problema mezhdistsiplinarnoy epistemologii. *Epistemologiya & filosofiya nauki*, XVI (2): 5—13. (In Russ.).
- Kobzeva, Z. B. (2013). Antropologiya povsednevnogo byta: makroistoriya iz mikroanaliza. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 8: 234—238. (In Russ.).
- Kovalskaya, S. I. *Ustnaya istoriya i novyye vozmozhnosti v izuchenii istorii Kazakhstana*. Available at: <http://www.enu.kz>. (In Russ.).
- Leleko, V. D. (2002). *Prostranstvo povsednevnosti v yevropeyskoy kulture*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstva. (In Russ.).
- Lüdtke, A. (1995). What is the history of everyday life and who are its practitioners? In: Templer, W. (transl.) *The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life*, XIII. Princeton: Princeton University Press. (In Engl.).
- Lyudtke, A. (1999). Chto takoye istoriya povsednevnosti? Yeye dostizheniya i perspektivy v Germanii. In: *Sotsialnaya istoriya. Yezhegodnik, 1998 / 99*. Moskva: [b. i.]. 77—100. (In Russ.).
- Lyudtke, A. (2010). Istoriya povsednevnosti v Germanii. In: Zhuravlev, S. V. (red.) *Novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti*. Moskva: ROSSPEN; German. Ist. In-t v Moskve. (In Russ.).
- Matlin, M. G., Cherednikova, M. P. (sost.) (2017). *Golod 1941—1945 gg. V usnykh rasskazakh russkogo selskogo naseleniya Ulyanovskogo Povolzhya*. Ulyanovsk: FGBOU VO «UGPU im. I. N. Ulyanova». (In Russ.).
- Mileshina, N. A., Merkushev, A. V. (2015). Istoriya povsednevnosti kak nauchnoye napravleniye. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nau-*

- ki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki, 11 (61) / III: 103—105. (In Russ.).*
- Obolenskaya, S. V. (1990). «Istoriya povsednevnosti» v sovremennoy istoriografii FRG. In: *Odyssey: Chelovek v istorii*. Moskva: Nauka. 182—198. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2010). *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya*. Moskva: Izd. dom Gos. un-ta. — Vyssh. shk. ekonomiki. (In Russ.).
- Pushkareva, N. L. (2004). Predmet i metody izucheniya «istorii povsednevnosti». *Etnograficheskoye obozreniye, 5: 3—19. (In Russ.).*
- Pushkareva, N. L. (2010). «Istoriya povsednevnosti» kak napravleniye istoricheskikh issledovaniy. In: *Perspektivy*. Available at: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravleniye_istoricheskikh_issledovaniy_2010-03-16.htm. (In Russ.).
- Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2012). *Biograficheskiy metod v sotsiologii*. Moskva: Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Shcheglova, T. K. (2011). *Ustnaya istoriya: Oral history: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhsya po napravleniyu 540400.68 (050400) Sotsialno-ekonomicheskoye obrazovaniye*. Barnaul: AltGPA. (In Russ.).
- Shyuts, A. (1988). Struktura povsednevnogo myshleniya. *Sotsiologicheskiye issledovaniya, 2: 23—34. (In Russ.).*
- Thompson, P. (2000). *Opus Books: Voice of the Past: Oral History (3)*. Oxford, GB: Oxford University Press. (In Engl.).
- Wierling, D. (1995). The history of everyday life and gender relations: On historical and historiographical relationships. In: Lüdtke, A. (ed.), Templer, W. (transl.) *The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life, XIII*. Princeton: Princeton University Press. (In Engl.).
- Zhuravlev, S. V. (2010). Istoriya povsednevnosti — novaya issledovatel'skaya programma dlya otechestvennoy istoricheskoy nauki. In: Lyudtke, A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti*. Moskva: ROSSPEN, Germanskiy istoricheskiy institut v Moskve. 3—27. (In Russ.).